

Как выстраивались взаимоотношения «своего» и «чужого» в советской архитектуре, известно мало. Отношения к наследию в Калининградской области и в бывших республиках Средней Азии при всей их несхожести имеют много общего. Архитектурное и градостроительное наследие, веками складывавшееся в этих регионах и отражавшее особенности местной культуры, воспринималось как «инокультурное», оппозиционное устоям советской власти. Рассматривается отношение к «инокультурному» наследию при формировании архитектурно-пространственной среды советских городов.

Ключевые слова: архитектурно-градостроительное наследие; Калининградская область; центральноазиатский регион; архитектура и градостроительство советского периода. /

Little is known about the relationship between 'ours' and the 'other' in Soviet architecture. Attitudes to heritage in the Kaliningrad region and in the former Central Asian republics, despite their dissimilarity, have much in common. The architectural and town-planning heritage, which had been developed in these regions for centuries and reflected the peculiarities of local culture, was perceived as 'other cultural', oppositional to the Soviet regime. The article considers the attitude to the 'other cultural' heritage in the formation of architectural and spatial environment of Soviet cities.

Keywords: architectural and town-planning heritage; Kaliningrad region; Central Asian region; architecture and town-planning of the Soviet period.

Советский город и «инокультурное» наследие / The Soviet city and the 'other cultural' heritage

Отношение к наследию в архитектуре и градостроительстве советского периода менялось от десятилетия к десятилетию и в то же время было отмечено противоречивостью позиций [1]. Нас будет интересовать не столько изменчивость теоретических и практических подходов к наследию в потоке времени, сколько один, но достаточно простой для понимания аспект: отношение к «инокультурному» наследию в архитектурно-пространственной среде советских городов.

Проблема Чужого и Чуждости – одна из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем современной гуманитарной мысли. Однако, в отличие от эпох античности, средневековья, Нового времени и широко понимаемой современности, относительно локальный опыт не столь давно ушедшего в прошлое советского периода редко служит материалом для подобных наблюдений. Тем более это относится к реалиям архитектуры и градостроительства

Понятие «инокультурное» в названии статьи не случайно взято в кавычки, поскольку, как предполагается показать, в этой роли нередко выступало архитектурное и градостроительное наследие, веками складывавшееся в том или ином регионе и отражавшее особенности местной культуры, но воспринимавшееся как оппозиционное устоям советской власти. Очевидно, что в огромной по территории стране, каким был Советский Союз, с часто менявшимися векторами архитектурно-градостроительного развития, можно найти значительное разнообразие ситуаций, представляющих интерес с означенной точки зрения. В этой статье мы кратко рассмотрим только две из них, выбранных, скорее, по принципу контраста – отношение к наследию в Калининградской области и в советской Средней Азии.

Пожалуй, проблематика отношения к «инокультурному» наследию на сегодняшний день наиболее разработана относительно части Восточной Пруссии, отошедшей после войны к СССР (ныне Калининградская область). В последние десятилетия этой теме стали уделять много внимания местные архитекторы, искусствоведы, краеведы. Она также получила широкое отражение в статьях и монографиях московского исследователя искусствоведа И. Белинцевой [2]. В работах И. Белинцевой вводится

в оборот и анализируется огромный пласт первоисточников, в особенности на немецком языке; автором была проделана большая работа в архивах и библиотеках Германии и Польши. Историческая архитектура и градостроительство Калининградской области рассматриваются прежде всего в качестве носителей исторической памяти, маркеров культурной идентичности, претерпевших сложные метаморфозы в советский период.

Как указано в обстоятельной работе калининградских специалистов архитектора О. Васютина и культуролога А. Попадина, «при образовании Калининградской области на нее были полностью перенесены советские практики централизованного планирования, социалистического хозяйствования и административного управления территорией. <...> При подобном подходе интересы и предпочтения населения, его культурный уровень и уклад жизни, традиции и обряды, верования и самоидентичность в расчет не принимались. В Калининградской области эта практика была обострена тем обстоятельством, что собственно “местного населения” здесь уже не было, а переселенцы никакой укорененной идентичности не могли иметь в принципе» [3, с. 100] Авторы подробно показали, как произошло одномоментное изменение всех городских традиций, профессиональных приемов работы с городской средой, ценностных предпочтений, восприятия городского пространства.

Первые переселенцы, приезжавшие в Калининградскую область со всех концов страны, отмечали «чуждость» и неприятие увиденной архитектурно-пространственной среды, высказывали суждения, в значительной степени подогревавшиеся пропагандистскими выступлениями и публикациями тех лет [4, с. 77]. Соответственно формировалось утилитарно-выборочное отношение к наследию. К примеру, в советские годы в области относительно сохранились курортные города, но практически исчезли многочисленные объекты усадебной застройки. В восстановительный период ненависть к идеологии фашизма переносилась на архитектурные формы: окна казались «подслеповатыми», а крыши «неоправданно высокими». На первом плане

текст
Юлия Косенкова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text
Yulia Kosenkova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

Исследование поддержано грантом 2024 года на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований (НИР/НИОКР) научными коллективами НИУ МГСУ, проект № 8-392/130. / Acknowledgements: The research was supported by the grant 2024 for basic and applied scientific research (R&D) carried out by scientific teams of NR MGSU, project No. 8-392/130.

> Проект центра
Калининграда.
Архитекторы Д. Навалихин,
А. Максимов.
Начало 1950-х [6]

была официальная установка «ликвидировать тлетворное влияние неметчины», в угоду которой переделывались фасады и архитектурные формы восстанавливаемых зданий, высокие черепичные крыши заменялись на пологие шиферные, надстраивались этажи, менялась планировка городских кварталов и квартир.

Одним из самых трудных стал вопрос об отношении к замку Тевтонского ордена, существовавшего с XIII века и расположенного в историческом центре Кёнигсберга-Калининграда, на Королевской горе. Этот полуразрушенный символ города ассоциировался в 1940-е годы не только с немецким историческим наследием, но и напрямую с деятельностью нацистского руководства: здесь бывал Гитлер, в 1936 году располагался штаб выборной компании НСДАП.

Большинство первых градостроительных предложений по перепланировке центра Калининграда предусматривало снос замка и, согласно распространенной советской доктрине, строительство на его месте другого символического здания – Дома Советов [5]. Тем не менее дискуссии вокруг судьбы замка продолжались еще много лет; окончательно он был взорван в 1967 году. В 1970 году почти точно на его месте началось строительство Дома Советов, по ряду причин быстро превратившегося в долгострой и затем постепенно демонтированного в период 2021 – августа 2024 года.

На рубеже XX и XXI веков, когда активно вошли в жизнь новые поколения горожан, родившиеся в Калининградской области, отношение к историческому центру Кёнигсберга стало существенно меняться. В 2008 году вплотную встал вопрос о возвращении к активной городской жизни исторического центра Кёнигсберга-Калининграда. Ввиду сложности этой проблемы был даже подготовлен специальный альбом, отражающий основные неосуществленные архитектурные замыслы относительно исторического центра и Королевской горы [6], создано некоммерческое партнерство «Градостроительное бюро “Сердце города”», в 2014 году проведен международный конкурс.

Тема актуализации архитектурного наследия Восточной Пруссии приобрела широкую популярность.

Так, например, в ходе поискового проектирования, осуществлявшегося студентами МАРХИ в течение нескольких лет, в частности, были выдвинуты предложения восстановить замок на Королевской горе «в прозрачных конструкциях», воссоздать утраченные городские кварталы в прежних габаритах, но с новыми функциями, перенести под землю Московский проспект – «Подземный Кёнигсберг» и др. [7].

Но, несмотря на обилие проектных предложений, проблема слияния в органическое целое исторического Кёнигсберга и советского Калининграда, когда-то проектировавшегося архитекторами, приезжавшими из разных концов Советского Союза, по свидетельству местных специалистов, не решается: «Весь конгломерат строительной и художественной субстанций, которые представляет Калининград, не стыкуется с Кёнигсбергом. И это трагедия» [8].

Если ранее на протяжении многих лет доминировала одна «внеархитектурная» идея уничтожения, переделки, маскировки «инокультурного» наследия Калининградской области, то в новую эпоху она вполне может смениться другой доминирующей идеей, столь же далекой от подлинного изучения и творческого использования ценности этого наследия – коммерческими интересами привлечения как можно более широкого потока туристов. В послевоенные годы наследие Восточной Пруссии рассматривалось как большая проблема, теперь же уникальность объектов этого наследия стала осознаваться в качестве одного из главных конкурентных преимуществ Калининградского региона как туристического центра, поскольку подобные или схожие памятники архитектуры отсутствуют на всей территории России [9].

Иногда в угоду туристическому интересу парадоксальным образом «воссоздается» то, чего никогда не было на территории Кёнигсберга, что осознается местным архитектурным сообществом как весьма тревожная тенденция.

Пример Калининградской области показывает, насколько трудно осуществляется на практике алгоритм «свое-чужое-наше», предлагаемый некоторыми культурологами в качестве универсальной схемы развития куль-

^ Вид замка на Королевской горе. 1965 [6]

^ Проект воссоздания Королевского замка по итальянской технологии «Прозрачные церкви». МАРХИ, рук. архитектор А. Некрасов [7, с. 46]

туры. Утверждается, что сегодня в чужой культуре надо искать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет. В итоге мы получим гуманное – «Наше» [10]. На деле «инокультурное» наследие, не вполне пережитое новыми поколениями как «свое», может перейти в зону столь же отчужденного потребления, нацеленного на извлечение выгоды.

Не менее сложна и драматична история отношения к «инокультурной» среде, складывавшейся веками, и в бывших советских среднеазиатских республиках, хотя она изначально не вызывала такого выраженного отчуждения, как в Калининградской области. С одной стороны, эта проблематика в полной мере проявила себя еще во второй половине XIX века, в ходе присоединения Туркестана к Российской империи и образования в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства. С другой, как отмечает известный этнограф, историк С. Абашин, в 1920-е годы началась советская политика конструирования/формирования национальных республик, национальных культур и национальных элит: «Созданные элиты научились говорить по-советски на своих национальных языках» [11, с. 197].

С утверждением в регионе советской власти начался период хаотичной застройки среднеазиатских городов. Местные исполкомы советов активно занимались делением и распродажей под застройку крупных частных владений в городах, заселением на коммунальной основе частных особняков. Вместе с тем вопрос коренного преобразования городов Средней Азии становился все более насущным и воспринимался как важнейшая часть внутренней политики советского государства.

Серьезная необходимость как-то обозначить свою позицию в вопросах реконструкции и строительства городов в условиях Средней Азии возникла перед советскими архитекторами уже в 1927 году. Это было время, когда разворачивалось масштабное государственное финансирование строительства промышленных предприятий и жилища при них. Хотя основная программа индустриализации была осуществлена в годы первых пятилетних планов ускоренного развития экономики СССР, переход к реальному строительству заставил архитекторов уже

в 1927 году задуматься о том, как нужно строить в экстремальных климатических условиях и как отнестись к традиционной застройке среднеазиатских городов.

Период присоединения Средней Азии к Российской империи характеризовался, особенно в районах, где проживало оседлое население, образованием «городов-двойников», когда рядом с традиционным среднеазиатским городом возникал город европейского типа, создававшийся, как правило, русскими военными инженерами. В то же время «старые» и «новые» части городов могли находиться друг от друга на значительном расстоянии или разделяться какой-то преградой, например, каналом. Они отличались и неравномерностью расселения, слишком скученным в старых частях и слишком разреженным в новых. Эти особенности уклада жизни городов-двойников впоследствии представляли дополнительные сложности при их реконструкции в советское время.

С установлением советской власти вся традиционная система застройки старых среднеазиатских городов стала рассматриваться как порождение средневековой отсталости и «феодалного быта». Ситуация осложнялась еще и тем, что в среднеазиатских городах в основном проживало кустарно-ремесленное и сельскохозяйственное население, почти не было пролетариата, поэтому их, с позиций новой власти, вообще нельзя было считать городами. Здесь развивалась в основном хлопкоочистительная, шелководческая, кожевенная, винодельческая промышленность. В короткие сроки предстояло значительно изменить структуру производства в республиках Средней Азии в пользу тяжелой промышленности. С официальных идеологических позиций вся традиционная застройка среднеазиатских городов виделась, прежде всего, объектом радикальных преобразований.

Ученые, занимавшиеся изучением среднеазиатского зодчества, предупреждали, что такое отношение к местному наследию не приведет ни к чему хорошему. Так, профессор Ташкентского индустриального института гражданский инженер и известный исследователь архитектурных памятников Средней Азии Л. Воронин в 1927 году на страницах журнала «Строительная про-

^ Схема реконструкции Андижана. Архитектор В. Попов [13, с. 34]

< Наманган. Схема застройки первой очереди. Архитектор В. Лавров [13, с. 23]

мысленность» выступил с большой статьей. Ее содержание сводилось к трем важным позициям:

1. Историческую систему застройки, которая складывалась веками, ни в коем случае нельзя уничтожить и пытаться заменить ее на застройку европейского типа. Максимум, что нужно сделать – это проложить несколько современных транспортных магистралей, а жилые районы оставить без изменений, идя по пути постепенных санитарно-гигиенических улучшений.

2. Не следует пытаться объединить города-двойники в одну целостную градостроительную структуру. Л. Воронин предлагал учесть специфику построения среднеазиатских городов, применив к ним понятие «групповой город», при наличии местного самоуправления в каждой из частей, составляющих в административном отношении одно целое. Главное внимание он предполагал сосредоточить на создании развитых транспортных связей между частями такого города, а также созданию пригородов, куда необходимо было перенести новое строительство. Попытка слияния разных частей среднеазиатских городов – «традиционных» и «европейских», – как считал Воронин, приведет к созданию гигантских, трудно застраиваемых территорий и в градостроительном плане не будет целесообразным.

3. При существующем лихорадочном темпе застройки и ее беспорядочности велика опасность превращения городов Средней Азии в самую невероятную смесь разных стилей – от огрубленной классики и уродливых местных подражаний конструктивистским постройкам до интерпретаций арабского и индийско-магометанского стиля [12].

Предостережения представителя старой профессиональной школы были сделаны, когда эти явления только обозначились в советской архитектуре Средней Азии, но через два-три года они стали устойчивой тенденцией.

В отношении будущего экономического развития среднеазиатского региона, возведения новых городов и радикального преобразования старых уже в 1920-е годы строились грандиозные планы. Проекты Нового Чарджуя, получившие широкую известность в 1930 году, в ходе дискуссии о социалистическом расселении давали

различные интерпретации идеи линейного города, практически беспредельно развивающегося вдоль реки Амударьи. В условиях пустыни архитекторы пытались создать совершенно новую среду обитания для населения будущего большого производственного района. Однако более внимательное изучение на практике условий постоянно мигрирующего в песках русла Амударьи впоследствии заставило радикально пересмотреть принципы планировки и строительства города.

Если Чарджуй предполагалось строить на новой площадке, то в проектах Андижана и Намангана, представленных членами АРУ В. Лавровым и В. Поповым, вопрос стоял именно о «последовательной социалистической реконструкции» старых среднеазиатских городов [13]. В своих статьях, написанных в течение нескольких лет, авторы, с одной стороны, выступали против механической европеизации азиатских частей города, но в то же время писали: *«Основным, самым общим принципом реконструкции города в целом является уничтожение противопоставления «европейской» и «азиатской» его частей, исходя из чего при работах по перепланировке города не следует останавливаться перед последовательным полным уничтожением планировочной сетки и типа застройки старого города и организации населенного места по принципу, зачастую прямо противоположному существовавшему ранее»* (курсив мой – Ю. К.) [14, с. 33].

Тем не менее переход к новым типам жилища в процессе социалистической реконструкции среднеазиатских городов авторы непосредственно связывали с предварительным анализом существующих среднеазиатских типов жилищ, но с разделением их на те, что обусловлены климатическими, географическими, конструктивными особенностями, и на «объективно реакционные» социально-бытовые черты, сложившиеся в условиях феодального общества [14, с. 35].

Сложнее с изучением традиций среднеазиатской архитектуры обстоит дело в ареалах проживания кочевого коренного населения. И здесь особое значение получили известные разработки члена АРУ В. Калмыкова, его проектов жилища для оседающих кочевников. Он создал эти эскизы во время участия в комплексной экспедиции

> Проект планировки Бухары. Начало 1930-х. Личный архив

по изучению производительных сил Киргизии, организованной АН СССР с участием Академии коммунального хозяйства. Представляет интерес современное исследование, в котором с помощью метода цифрового моделирования предлагавшихся архитекторами-урбанистами типов жилых домов выявлены два различных подхода к проектированию кварталов среднеазиатских соцгородов [15]. Но, как показали исследования И. Ивановой, обращение к наследию кочевых народов Средней Азии в последующие десятилетия пошло по линии использования национальных орнаментов и различного рода декоративных интерпретаций формы юрты не только в жилище, но и в общественных зданиях [16].

В целом тенденция сноса и полной замены застройки старых среднеазиатских городов продолжала доминировать, по крайней мере, в проектах, проявляясь как в период авангарда, так и в период формирования «сталинской неоклассики». В 1929 году в Ташкенте было учреждено Бюро по перепланировке городов Средней Азии. Созданный архитектором А. Панкратовым эскиз-идея перепланировки Самарканда, бывшего тогда столицей Узбекистана, строился на совершенно отвлеченной от реальной ситуации системе скоростных магистралей, решенных в виде спирали с расходящимися от ее вершины лучами. Исторически сложившаяся планировка этого древнего города в этом проекте полностью игнорировалась.

Работы начала 1930-х годов для других городов Узбекистана, таких, например, как древнейший город Бухара, были не менее радикальными. Планировалось уничтожить практически полностью исторические части этих городов, независимо от того, выполнялись проекты в авангардной или классицистической стилистике. Ни проект планировки Ташкента А. Сильченкова, разработанный в 1929–1933 годы и предусматривавший на территории старого города размещение крупной промышленности и новой жилой застройки, ни другие разработки не были реализованы в силу своей полной оторванности от реальной жизни, экономической и технической невыполнимости. Тем не менее, это не мешало

содержавшимся в них политически «правильным» идеям перекочевывать в более поздние проекты.

Это хорошо видно на примере следующего генерального плана Ташкента, законченного в 1938 году под руководством московского архитектора А. Кузнецова при консультации известных академиков архитектуры. Этот проект предусматривал полную ликвидацию старой городской части. В городе, население которого в конце 1930-х годов почти достигло миллиона человек, намечались огромный снос жилого фонда и возведение около 80% новой капитальной застройки, оснащенной всеми видами технического оборудования. Проект этот также не получил воплощения за неимением материальных, технических, профессиональных ресурсов. Точно так же разрабатывавшиеся в предвоенный период генеральные планы республиканских столиц Ашхабада, Алма-Аты, Фрунзе (ныне Бишкек) не оказывали на их застройку никакого практического влияния.

Несмотря на сохранявшуюся установку, что «прогрессивным» может быть только использование форм жилой, «народной» архитектуры Средней Азии, на самом деле на фасадах чаще использовались формы монументальных памятников Средней Азии. Среди таких построек в «ориентальном духе» можно назвать театр в старгородской части Ташкента (1927–1928, арх. А. Цитович), здание Управления Аму-Дарьинскими изысканиями (1932, арх. Г. Сваричевский) и наиболее ортодоксальный пример, подвергшийся критике за «внесение феодально-байского духа», здание Музея 10-летия УзССР (1934, арх. А. Петелин, К. Бабиевский). На практике работа с формами «народной» жилой архитектуры не была особенно успешной, так как противоречила требованию монументальности советского зодчества. Так, архитектор С. Полупанов, последовательно работая с формами жилой архитектуры, неизменно получал упреки в отсутствии монументальности. Но сделанная им попытка «монументализировать» формы жилой архитектуры (Дворец культуры и труда в Ташкенте, 1938–1939) тут же подверглась критике за гипертрофию и огрубление форм.

Работы М. Гинзбурга (Дом Правительства в Алма-Ате, 1928–1931), А. и Л. Весниных (проект здания физиче-

ского института в Ташкенте, 1927) для Средней Азии, в которых была преодолена инерция догматического отношения к наследию, остались единичными попытками найти новое решение проблемы освоения архитектурного наследия через его объемно-планировочные особенности. 1930-е годы – время активного теоретического поиска решения проблемы освоения наследия. Тема эта практически не сходила со страниц архитектурной печати вплоть до начала 1940-х годов. Приемлемый выход виделся в основном в «переплавке» форм прошлого.

Данью тенденции «переплавки форм» в среднеазиатских республиках явились поиски в 1930-е годы так называемого «узбекского ордера», «киргизского ордера» и т. д., включавших национальные орнаменты, советскую эмблематику, стилизованные коробочки хлопка. О необходимости осваивать утилитарный опыт национальной архитектуры в печати 1930-х годов если и упоминалось, то лишь вскользь и в последнюю очередь. Закономерно сохранялось в эти годы и отрицательное отношение к местной градостроительной культуре, к традиционной застройке.

Великая Отечественная война заставила частично пересмотреть отношение к утилитарной стороне архитектурного наследия. Острая нехватка строительных материалов, необходимость строить быстро и дешево помещения для эвакуированных предприятий и поселки для рабочих обусловили проявившийся интерес к конструктивным решениям традиционного национального зодчества. В частности, на основе изучения традиций среднеазиатских купольно-сводчатых сооружений был создан тонкостенный кирпичный свод двойной кривизны (инж. А. Рабинович), по жесткости и сейсмостойкости приближавшийся к бетонному своду. Успешно пройдя лабораторные испытания, конструкция системы «Узбекистан» получила широкое распространение не только в промышленном, но и в гражданском строительстве военных лет (театр музыкальной драмы и комедии им. Хамзы (арх. Д. Хазанов, инж. А. Рабинович, 1943), крытый рынок в Ташкенте (арх. Л. Караш) жилые дома при Беговатском металлургическом комбинате).

Однако пространственно-планировочные особенности среднеазиатской архитектуры по-прежнему оставались под запретом. Высказывания московских архитекторов Г. Захарова и З. Чернышевой, касавшиеся освоения пространственно-планировочных, функциональных, композиционных особенностей жилых образований и традиционного среднеазиатского города в целом [17], вызвали резко отрицательную реакцию со стороны правления Союза архитекторов Узбекистана, усмотревшего в этом покушение на идеологические устои.

Об этом же свидетельствует и жесткая критика послевоенной корректуры генплана Ташкента, осуществленной главным архитектором города М. Булатовым, глубоко изучавшим среднеазиатское наследие, со стороны автора предвоенного генплана А. Кузнецова. В управлении главного архитектора был создан, по сути, альтернативный генплан, построенный с учетом основных направлений сложившейся планировочной структуры старгородской части Ташкента, а также с возможностью организации традиционных для Средней Азии жилых кварталов – «махаля», отличавшихся особым укладом жизни на основе соседской взаимопомощи. Кузнецов продолжал настаивать на том, что полная реконструкция старого города на основе европейских планировочных традиций – «это вопрос политический». Ни тот, ни другой подходы так и не были осуществлены.

Последовавшая в конце 1950-х – 1970-е годы эпоха «советского модернизма» была, в частности, отмечена изменением отношения к утилитарной стороне наследия

Средней Азии и развертыванием работ по ее изучению. Архитекторы обратили внимание прежде всего на приемы защиты традиционного жилища от перегрева, создания в нем микроклимата. Была предложена новая структура квартир в многоэтажном доме, где сочетались помещения узбекского народного жилища и современных типовых домов, что позволяло организовать оптимальную аэрацию квартир в жаркое время. Делались попытки привлечь разнообразный опыт народной архитектуры в области создания микроклимата и при планировке новых среднеазиатских городов. Научно-прикладные работы 1970-х годов показали, что заслуживает внимания опыт народной архитектуры при выборе вариантов блокировки жилых ячеек, а также высокая интенсивность использования земли в народной архитектуре, сравнимая с плотностью жилого фонда в микрорайонах.

Однако в строительной практике результаты этих экспериментально-проектных поисков не нашли широкого применения. В конце 1970-х – 1980-е годы в советской архитектуре, с одной стороны, вновь усилилось тяготение к созданию крупных парадных ансамблей, а с другой – нараставшие мощности строительной индустрии, значительное повышение этажности застройки приводили к потере «человеческого» масштаба, к разрушению пространственно-смысловых структур городской среды.

Как видно из рассмотренных примеров – отношения к наследию в Калининградской области в послевоенные годы и в настоящее время, отношения к архитектурно-градостроительному наследию в бывших советских республиках Средней Азии – при всей их внешней несхожести есть и общие черты. Это – жесткое противопоставление «кинокультурному» наследию «правильной», несмотря на ее изменчивость во времени, идеологии советской архитектурной школы, избирательный подход к наследию, деление на относительно приемлемые и неприемлемые элементы, одностороннее развитие утилитаристских подходов, а главное – сохранявшееся в глубине массового сознания отчуждение, отсутствие интереса к целостному знанию и пониманию закономерностей формирования этого наследия. Как отмечает известный современный востоковед Р. Шукуров, в русском дореволюционном сознании была потребность в научной истине, удивление чужому и жажда его познания. В советское время научное знание о среднеазиатских территориях было, скорее, политической декларацией. В интеллектуализме постсоветской поры он видит ту же слепоту и отсутствие бескорыстного интереса к чужому [18, с. 237–238]. Во всяком случае, это предмет для дальнейших, более прицельных, исследований, из которых будет складываться общая картина.

Литература

1. Косенкова, Ю. Л. Наследие и советский город 1980-х годов // Проект Байкал. – 2024. – № 79. – С. 104–109. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2295>.
2. Белинцева, И. В. Архитектура Восточной Пруссии: факты и интерпретации. Калининградская область. – Калининград : Живём, 2020. – 400 с.
3. Васютин, О, Попадин, А. Городской палимпсест: градостроительная практика в Калининградской области (1945–1990 годы) // Слово. ру : Балтийский акцент. Балтийский Федеральный университет им. И. Канта. – 2013. – № 1. – С. 97–123.
4. Манюк, Е. С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии. (Калининград и Клайпеда в 1945–1950-е годы) // дис. ... канд. ист. наук. – Калининград, 2015. – 209 с.
5. Митина, Е. С. Первые градостроительные проекты Калининграда (1946 – первая половина 1950-х годов) // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей : сб. науч. статей. – Калининград : изд. БФУ им. И. Канта. – 2014. – Вып. 8. – С. 51–58.

6. Васютин, О. Попадин, А. Королевская гора в Калининграде: проекты и замыслы по ее застройке. Историко-аналитический обзор. – URL: <https://studylib.ru/doc/2034271/korolevskaya-gora-v-kaliningrade--proekty-i?ysclid=m0tngzmvgt205444891> (дата обращения: 29.08.2024).
7. Некрасов, А. Б. Воссоздание утраченной исторической застройки (на примере города Калининграда) // ACADEMIA. Архитектура и строительство. – 2019. – № 2. – С. 38–50.
8. «Кенигсберг и Калининград – это разные цивилизации. Трагедия в том, что не сложилось преемственности». Интервью с архитектором и госэкспертом О. Васютиным – URL: https://zastroyschiki39.ru/read/experts/618_kenigsberg-i-kaliningrad--eto-raznye-civilizacii---oleg-vasyutin-arhitektor-gosekspert?ysclid=m0to3v43yf738186136 (дата обращения: 30.08.2024).
9. Митрофанова, А. В., Филиппов, Ю. Ю. Актуальные проблемы использования объектов культурного наследия исторических городов в туристских целях (на примере города Калининграда) // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 61–71.
10. Кургузов, В. Л. Свое – чужое – наше как алгоритм развития культуры // Культура и цивилизация. – 2011. – № 1. – С. 109–125.
11. Абашин, С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // *Ab Imperio*. – 2011. – № 3. – С. 193–210.
12. Воронин, Л. Средне-азиатские города и вопросы их планировки // Строительная промышленность. – 1927. – № 2. – С. 131–137.
13. Лавров, В., Попов, В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Статья четвертая. Планировочная организация Андижана и Намангана как индустриальных центров агроиндустриального комплекса // Советская архитектура. – 1932. – № 3. – С. 22–34.
14. Лавров, В., Попов, В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Статья первая // Советская архитектура. – 1931. – № 3. – С. 30–37.
15. Верхотуров, Ф. В., Верхотурова, М. В. «Адаптивный» и «универсальный» подходы В. П. Калмыкова и В. А. Лаврова на примере архитектурно-пространственной организации квартала в проектах среднеазиатских соцгородов // ACADEMIA. Архитектура и строительство. – 2024. – № 1. – С. 51–61.
16. Иванова, И. Г. Интерпретация культурного наследия народов Кыргызстана в архитектуре 30-х – 50-х годов XX века // Наследие и современность. – 2019. – № 2(4). – С. 32–43.
17. Захаров, Г., Чернышева, З. Опыт проектирования жилищ для Средней Азии // Архитектура СССР. – 1943. – Вып. 4. – С. 16–24.
18. «Текст далеко не всегда совпадает с истиной». Беседа Дмитрия Ермольцева с Рустамом Шукуровым // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2021. – № 2 (136). – С. 235–248.

References

- Abashin, S. (2011). Nacii i postkolonializm v Centralnoj Azii dvadcat let spustya: pereosmyslivaya kategorii analiza/praktiki [Nations and Postcolonialism in Central Asia twenty years later: Rethinking categories of analysis/practice]. *Ab Imperio*, 3, 193-210.
- Belintseva, I. V. (2020). *Arkhitektura Vostochnoj Prussii: fakty i interpretacii. Kaliningradskaya oblast. [Architecture of East Prussia: Facts and interpretations. Kaliningrad region]*. Kaliningrad: Zhiviyom.
- Ivanova, I. G. (2019). Interpretaciya kulturnogo naslediya narodov Kyrgyzstana v arkhitekture 30-kh – 50-kh godov XX veka. [Interpretation of the cultural heritage of the peoples of Kyrgyzstan in the architecture of the 30s – 50s of the twentieth century]. *Heritage and modernity*, 2(4), 32–43.
- “Kenigsberg i Kaliningrad – eto raznye civilizacii. Tragediya v tom, chto ne slozhilos preemstvennosti”. Intervyu s arkhitektorom i gosekspertom O. Vasyutinym [“Koenigsberg and Kaliningrad are different civilizations. The tragedy is that there was no continuity.” Interview with architect and state expert O. Vasyutin]. (2017, January 7). *Zastroyschiki39*.

Retrieved August 30, 2024, from https://zastroyschiki39.ru/read/experts/618_kenigsberg-i-kaliningrad--eto-raznye-civilizacii---oleg-vasyutin-arhitektor-gosekspert?ysclid=m0to3v43yf738186136

Kosenkova, Yu. L. (2024). Heritage and the Soviet city of the 1980s. *Project Baikal*, 21(79), 104–109. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/77.2295>

Kurguzov, V. L. (2011). Their own – someone else’s – our as an algorithm for cultural development. *Culture and civilization*, 1, 109–125.

Lavrov, V., & Popov, V. (1931). K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyakh Srednej Azii. Statya pervaya. [On the problem of urban reconstruction in Central Asia. Article One]. *Soviet architecture*, 3, 30–37.

Lavrov, V., & Popov, V. (1932). K probleme rekonstrukcii gorodov v usloviyakh Srednej Azii. Statya chetvertaya. Planirovochnaya organizaciya Andizhana i Namangana kak industrialnykh centrov agroindustrialnogo kompleksa. [On the problem of urban reconstruction in Central Asia. Article four. Planning organization of Andijan and Namangan as industrial centers of the agroindustrial complex]. *Soviet architecture*, 3, 22–34.

Manyuk, E. S. (2015). Sovetskoe gradostroitelstvo v byvshej Vostochnoj Prussii. (Kaliningrad i Klajpeda v 1945-1950-e gody) [Soviet urban planning in the former East Prussia. (Kaliningrad and Klaipeda in the 1945-1950s)] [Ph. D. Dissertation]. Moscow.

Mitina, E. S. (2014). Pervye gradostroitelnye proekty Kaliningrada (1946 – pervaya polovina 1950-kh godov) [The first urban development projects of Kaliningrad (1946 – the first half of the 1950s)]. In *Retrospective: World history through the eyes of young researchers: Collection of scientific articles* (Issue 8, pp. 51–58). Kaliningrad: I. Kant BFU Publishing House.

Mitrofanova, A. V., & Filippov, Yu.Yu. (2017). Current problems of using cultural heritage sites in historical cities for tourist purposes (experience of the city of Kaliningrad). *Service and Tourism: Current Challenges*, 11(2), 61–71.

Nekrasov, A. B. (2019). Recovering missing historical areas (on the example of the city of Kaliningrad). *Academia. Architecture and Construction*, 2, 38–50.

“Tekst daleko ne vseгда совпадает с истиной”. Beseda Dmitriya Ermolceva s Rustamom Shukurovym [“The text does not always coincide with the truth.” Dmitry Ermolcev’s conversation with Rustam Shukurov]. (2021). *Neprikosnovenny Zapas*, 2(136), 235–248.

Vasyutin, O., & Popadin, A. (n.d.). *Korolevskaya gora v Kaliningrade: proekty i zamysly po eyo zastroyke. Istoriko-analiticheskij obzor. [The Royal Mountain in Kaliningrad: Projects and plans for its development. Historical and analytical review]*. Retrieved August 29, 2024, from <https://studylib.ru/doc/2034271/korolevskaya-gora-v-kaliningrade--proekty-i?ysclid=m0tngzmvgt205444891>

Vasyutin, O., & Popadin, A. (2013). Gorodskoj palimpsest: gradostroitel'naya praktika v Kaliningradskoj oblasti (1945-1990 gody) [Urban Palimpsest: urban planning practice in the Kaliningrad Region (1945-1990)]. *Word.ru: Baltic accent. Baltic Federal University named after I. Kant*, 1, 97–123.

Verkhoturov, F. V., & Verkhoturova, M. V. (2024). “Adaptive” and “universal” approaches by V. P. Kalmykov and V. A. Lavrov on the example of the architectural and spatial organization of a quarter in the projects of Central Asian Socialist cities. *Academia. Architecture and Construction*, 1, 51–61.

Voronin, L. (1927). Sredne-aziatskie goroda i voprosy ikh planirovki [Central Asian cities and their planning issues]. *Construction industry*, 2, 131–137.

Zakharov, G., & Chernysheva, Z. (1943). Opyt proektirovaniya zhilishch dlya Srednej Azii [Experience in designing housing for Central Asia]. *Architecture of the USSR*, 4, 16–24.